

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
декан факультета профессиональной переподготовки
Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X
<https://ludmilagru.academia.edu/research>,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ДЕКАБРИСТСКИЕ ПРОЕКТЫ: «КОНСТИТУЦИЯ» Н. М. МУРАВЬЕВА И «РУССКАЯ ПРАВДА» П. И. ПЕСТЕЛЯ

Аннотация. В статье исследуются два наиболее значимых программно-конституционных проекта декабристского движения — «Конституция» Н. М. Муравьева и «Русская Правда» П. И. Пестеля — в аспекте закрепления прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Обосновывается, что оба документа являлись не только политическими программами тайных обществ, но и ранними моделями российской конституционной правосубъектности, в которых впервые системно были соединены идеи народного суверенитета, отмены крепостного состояния, равенства перед законом, гражданской безопасности, свободы совести, печати, передвижения и участия в публичном управлении. Выявляется различие методологических оснований проектов: у Н. М. Муравьева права и свободы выводятся из идеи ограничения власти, федеративного устройства, суда и представительства; у П. И. Пестеля — из идеи общего блага, равенства, унитарной республики и преобразующей роли Временного верховного правления. Делается вывод о двойственном значении декабристских проектов: они предвосхитили отечественную конституционную лексику прав человека, но одновременно сохранили существенные ограничения сословного, имущественного, гендерного и национально-государственного характера.

Ключевые слова: декабристы, Конституция Н. М. Муравьева, Русская Правда П. И. Пестеля, права человека, права гражданина, свободы, народный суверенитет, конституционализм, история российского права.

GRUDTSINA Ludmila Yurievna,
Doctor of Law, Professor,
Dean of the Faculty of Professional Retraining
at the K.D. Ushinsky Moscow Institute of Professional Education,
Chairman of the Moscow City Bar Association «Norma Prava»,
Honorary Lawyer of Russia, Russian Academy of Sciences expert

CONSTITUTIONAL INTERPRETATION ISSUES: LEGAL AND THEORETICAL ASPECTS

Annotation. The article examines two key constitutional projects of the Decembrist movement — N. M. Muravyov's Constitution and P. I. Pestel's Russian Truth — from the standpoint of human and civil rights and freedoms. The author argues that these texts should be treated as early models of Russian constitutional legal personality. The study compares Muravyov's liberal-constitutional concept of limited power, federalism, representation and judicial guarantees with Pestel's republican and statist concept based on equality, public welfare, a unitary state and transitional revolutionary government. The article concludes that the Decembrist projects anticipated the language of constitutional rights in Russia, while preserving significant restrictions related to property, gender, social and national policy.

Key words: Decembrists, Muravyov's Constitution, Pestel's Russian Truth, human rights, civil rights, freedoms, constitutionalism, Russian legal history.

История российского конституционализма начинается не с формального принятия конституционного акта, а значительно раньше - с появления проектов, в которых самодержавная власть впервые была постав-

лена в зависимость от права, представительства и публично признанных пределов государственного вмешательства. В этом смысле декабристские проекты Н. М. Муравьева и П. И. Пестеля имеют значение не только как памятники политической

мысли, но и как источники истории правового статуса личности. Их следует рассматривать как протоконституционные тексты, где категория «права» еще не полностью отделена от категорий «состояние», «обязанность», «народ», «гражданство», но уже приобретает собственное юридическое содержание.

Актуальность темы определяется тем, что в современной историко-правовой науке декабристские программы нередко анализируются преимущественно через призму формы правления, аграрного вопроса или тактики революционного переворота. Между тем для юриста принципиально важен иной ракурс: каким образом эти проекты конструировали человека как субъекта права, какие свободы признавали естественными или гражданскими, какие гарантии предлагали и какие пределы устанавливали. Именно в этом ракурсе спор Н.М. Муравьева и П.И. Пестеля, на наш взгляд, - это не только спор о монархии и республике, федерации и унитаризме. Это спор о том, должна ли свобода личности быть исходным пределом власти либо производным результатом государственно организованного общего блага.

Декабристские проекты рассматриваются не как предыстория государственных реформ вообще, а как ранний опыт юридического моделирования правосубъектности человека и гражданина. Такой подход позволяет увидеть двойственность этих проектов: они действительно предвосхищали будущую конституционную лексику, однако не совпадали с современным стандартом универсальности прав человека. Права в них еще зависели от имущественной самостоятельности, пола, грамотности, принадлежности к политическому сообществу, статуса народа и предполагаемой полезности для государства.

Нормативно-источниковую основу статьи составляют опубликованные тексты «Конституции» Н. М. Муравьева и «Русской Правды» П. И. Пестеля, прежде всего академические публикации документов декабристского следствия и программных материалов [1; 2; 3]. Теоретико-историографическая база включает труды М. В. Нечкиной, В. А. Федорова, О. И. Киянской, В. С. Парсамова, а также современные энциклопедические и историко-ведческие публикации, уточняющие историю создания и текстологический статус рассматриваемых проектов [5; 7; 8; 9; 15; 16].

Декабристские проекты возникли в особой интеллектуальной ситуации: российская политическая элита первой четверти XIX в. была уже знакома с европейским конституционализмом, французской революционной традицией, опытом Северной Америки, идеями естественного права и общественного договора, но действующая российская правовая система сохраняла самодержавие, сословность и крепостное состояние. Поэтому язык прав и свобод в декабристских проектах был одновременно заимствованным и отечественно адаптированным. Он не копировал ме-

ханически западные декларации, а переводил их на язык российской социальной проблемы — отмены крепостничества, ограничения произвола, создания суда, представительства и публичного закона [19].

Программные документы декабристов имели различную степень завершенности и различный статус внутри Северного и Южного обществ. «Конституция» Муравьева не была окончательно утверждена Северным обществом, однако выражала важную линию его политико-правовых представлений; «Русская Правда» Пестеля задумывалась как наказ Временному верховному правлению и одновременно как программа коренного переустройства России [5, с. 312–330; 7, с. 118–143]. Для правового анализа это различие существенно: Муравьев проектирует будущий конституционный порядок как относительно устойчивую систему ограниченной власти, тогда как Пестель описывает также переходный режим, в рамках которого права народа должны быть обеспечены через сильную преобразующую власть.

Оба проекта исходят из признания народа самостоятельным субъектом политической жизни. В «Конституции» Муравьева русскому народу приписывается качество свободы и независимости; он «не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства», а источник верховной власти связывается с народом [1, с. 254]. Эта формула является принципиальным разрывом с патримониальным пониманием государства как владения монарха. В ней содержится не просто политический лозунг, а юридическая предпосылка прав человека: если народ не является принадлежностью династии, то человек не может быть только объектом управления.

Пестель также выводит государство из общества и общего блага, но делает это иначе. Во введении к «Русской Правде» он рассуждает о гражданском обществе, разделении на правительство и народ, взаимности прав и обязанностей, цели государственного устройства как «возможного благоденствия всех и каждого» [2, с. 113–116]. В этих формулах есть важное отличие от Муравьева. Для Пестеля первичной является не автономия индивида, а рационально организованное общественное целое. Народ получает право требовать от правительства действий во имя общего и частного благоденствия, но это право включено в вертикаль обязанностей, повиновения и государственного руководства.

Следовательно, декабристский конституционализм не был единой доктриной прав человека. Он включал как минимум две модели. Первая - либерально-ограничительная: права нужны для того, чтобы власть была связана законом, судом, представительством и территориальным самоуправлением. Вторая - республиканско-преобразовательная: права обеспечиваются через уничтожение сословий, равенство, национальную унификацию, общественную земельную гаран-

тию и сильное временное правление. Обе модели были направлены против самодержавно-крепостнического порядка, но по-разному отвечали на вопрос о соотношении свободы и власти.

Нельзя, однако, модернизировать эти проекты без оговорок. В них отсутствует современное универсальное понимание прав человека как принадлежащих каждому независимо от гражданства, пола, имущества и политической полезности. Терминологически и концептуально декабристы чаще говорят о «русских», «гражданах», «народе», «правах гражданских», «правах политических», «личных правах», чем о правах человека в строгом современном смысле. Тем не менее именно здесь формируется переход от сословно-дарованной привилегии к субъективному праву, связанному с законом и статусом гражданина.

Особенно важно различать право и преимущество. Пестель прямо противопоставляет право как юридически обоснованное последствие обязанности и сословное преимущество как необоснованную выгоду [2, с. 114–115, 152]. Такая логика позволяла ему критиковать дворянские привилегии не только социально, но и юридически: если преимущество не вытекает из обязанности перед обществом, оно не может быть признано правом. В истории российского права это один из ранних вариантов антипривилегированного правового мышления.

Муравьев, напротив, сильнее акцентирует формальную юридическую свободу. Он предлагает отмену крепостного состояния, равенство перед законом, свободы слова, совести, печати, занятий, передвижения, гарантии личной безопасности, судебную защиту собственности и участие в выборах при соблюдении условий гражданства [1, с. 254–257]. В его проекте права менее подчинены идее единого государственного плана и более тесно связаны с индивидуальной правовой сферой, хотя имущественные и иные цензы существенно ограничивают политическую универсальность.

Таким образом, уже на уровне исходных положений видно: декабристские проекты не просто декларировали набор свобод. Они формировали два разных способа юридического конструирования личности. У Муравьева личность защищается от государства через конституционную организацию власти; у Пестеля личность освобождается от старого порядка через государственно организованное преобразование общества. Эта разница определяет содержание всех последующих положений о правах и свободах.

«Конституция» Н. М. Муравьева является наиболее последовательно юридизированным проектом декабристского круга. Ее основная ценность для истории прав человека заключается в том, что права и свободы здесь помещены в структуру конституционного строя: народный суверенитет, федеративное устройство, представительные учреждения, разделение властей, суд и местное

управление образуют не фон, а механизм обеспечения правового статуса личности.

В центре проекта находится понятие гражданства. Муравьев определяет гражданство как право участвовать в общественном управлении — непосредственно или посредством выборов [15]. Тем самым гражданин мыслится не только как подданный, которому даруются льготы, а как участник публичного порядка. В российском контексте начала XIX в. это было принципиально новым юридическим сдвигом: политическое участие переставало быть атрибутом службы и происхождения и становилось элементом конституционного статуса. В то же время гражданство у Муравьева не является всеобщим. В ранних редакциях оно связывается с возрастом, постоянным жительством, здравием ума, независимостью от долгов, отсутствием недоимок и судимости, имущественным цензом; в дальнейшем отдельные ограничения смягчались [15]. Это показывает двойственность проекта: он разрушал сословность как принцип правового неравенства, но сохранял цензовую модель политического народа. Правами человека в широком смысле должны были пользоваться все жители, однако полнота политических прав предоставлялась только юридически и экономически самостоятельным гражданам [19].

Важным положением «Конституции» Муравьева была отмена крепостного состояния. Формула о том, что крепостное состояние и рабство отменяются, а раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным, имела не только социально-реформаторское, но и правочеловеческое содержание [1, с. 255]. Она утверждала личную свободу как несовместимую с вещным отношением к человеку. В этой части проект Муравьева радикально разрывал с фундаментом имперского социального порядка.

Однако аграрно-имущественный блок проекта ограничивал глубину освобождения. Муравьев сохранял помещичью собственность на землю, предусматривая для крестьян прежде всего личную свободу, дома, дворы, инвентарь, скот и в поздней редакции — ограниченный земельный надел [1, с. 255–256; 15]. Поэтому свобода бывшего крепостного оказывалась юридически признанной, но экономически неполной. Она устраняла личную зависимость, но не решала полностью вопрос материальной самостоятельности. Для современного исследователя это важный пример того, что формальная личная свобода без социальной основы может оставаться уязвимой.

Каталог свобод в «Конституции» Муравьева включает свободу слова, печати, совести, занятий, передвижения, выбора местных властей, обращения с жалобами и желаниями к органам власти. В проекте также закреплялись равенство перед законом, защита жизни, безопасности и собственности, запрет произвольного задержания, необходимость судебной процедуры, идея суда присяжных [1, с. 255–257; 15]. Для своего времени это была

весьма развитая система личных и гражданских свобод, причем многие из них корреспондируют будущим конституционным стандартам XIX–XX вв.

Особое значение имеет гарантия личной безопасности. Муравьев предусматривает, что никто не может быть задержан, обвинен или заключен иначе как на основании закона; задержанному должны быть объявлены причины лишения свободы; арест без объяснения причин допустим лишь кратковременно [15]. Здесь фактически содержится ранняя российская формула *habeas corpus*: человек не должен исчезать в административном произволе, а власть обязана предъявить юридическое основание ограничения свободы. В условиях Российской империи с ее полицейско-административной практикой эта идея имела принципиально антисамодержавный смысл.

Судебные гарантии в проекте Муравьева также выходят за пределы обычного перечисления прав. Предусматриваются гласность, состязательность, суд присяжных, отделение судебной власти от административной, выборность и несменяемость судей в отдельных редакциях [15]. Следовательно, право на свободу и собственность должно было обеспечиваться не милостью правителя, а институционально независимым правосудием. В этом отношении проект Муравьева ближе к классической либеральной модели конституционализма, где суд является ключевой гарантией субъективного права.

Право собственности в «Конституции» Муравьева объявляется священным, однако его содержание понимается прежде всего как защита материальных ценностей и существующего имущественного порядка [1, с. 256; 15]. Эта формула одновременно поддерживала гражданскую свободу и закрепляла социальный компромисс с дворянством. С одной стороны, собственность ограничивала произвольное вмешательство власти; с другой — ее неприкосновенность препятствовала более глубокому перераспределению земли в пользу крестьян.

Свобода печати и слова у Муравьева также не является абсолютной. Проект допускает судебное преследование «вредных книг» [15]. Это характерно для раннего конституционализма: свобода публичного выражения признается, но помещается под контроль закона и суда. Юридически важным является не отсутствие пределов, а перенос ограничения из административной цензуры в судебную процедуру. Такая конструкция меняла природу запрета: он должен был быть не произвольным полицейским актом, а юридически проверяемым решением.

Религиозная свобода в проекте выражена через свободу совести и вероисповедания. Для империи, где православие обладало статусом господствующей религии, это положение имело существенное модернизационное значение. Однако и здесь следует учитывать контекст: свобода со-

вести мыслится не как секулярное равенство всех мировоззрений в современном смысле, а как отказ от грубого конфессионального принуждения при сохранении общего христианского языка политико-правовой аргументации.

Политические права у Муравьева тесно связаны с представительной системой. Народное вече, палаты, местные законодательные собрания и выборные должности должны были создать режим участия граждан в управлении [1, с. 258–264]. В этом аспекте права гражданина не ограничиваются свободой от произвола; они включают активную способность формировать власть. Но участие строится на цензах, что делает проект скорее либерально-аристократическим, чем демократическим.

Федеративный элемент «Конституции» Муравьева также имеет правозащитное измерение. Деление России на державы и области, местные законодательные собрания, признание полномочий территорий — все это должно было препятствовать концентрации власти в одном центре. Для прав личности федерализм выступал косвенной гарантией: чем меньше монополия центральной администрации, тем больше возможностей для местной законности, выборности и судебной защиты. Именно поэтому спор Муравьева с Пестелем о федерации и унитаризме является одновременно спором о механизмах обеспечения свободы.

При всех достоинствах проект Муравьева содержит очевидные ограничения. Женщины фактически исключены из политического народа; имущественные и образовательные условия сужают круг граждан; кочующие народы и некоторые группы получают неполный статус; земельный вопрос решается в пользу сохранения помещичьей собственности [1, с. 256–257; 15]. Поэтому «Конституцию» нельзя идеализировать как современную декларацию прав. Ее историческая роль иная: она впервые в российской проектной мысли связала личную свободу, гражданство, закон, суд и представительство в относительно целостную конституционную конструкцию [21].

Таким образом, права и свободы в проекте Муравьева имеют три уровня. Первый — естественно-личный: свобода от рабства, безопасность, совесть, слово, передвижение. Второй уровень — гражданско-имущественный: собственность, занятия, судебная защита, равенство перед законом. Третий уровень — политический: участие в выборах и управлении при соблюдении условий гражданства. Эта трехуровневая модель стала одним из первых отечественных опытов системного описания правового положения личности в будущем конституционном государстве.

«Русская Правда» П. И. Пестеля существенно отличается от проекта Муравьева по политико-правовой логике. Если Муравьев начинает с ограничения власти и конституционной организации, то Пестель начинает с цели государства,

общего блага и необходимости решительного перехода от старого порядка к новому. Его проект более радикален в отношении сословий и крепостничества, но одновременно более жесток и централизован в вопросах власти, национальной политики и переходного режима. В теоретическом введении Пестель формулирует свое понимание права через обязанность. По его мысли, право существует лишь тогда, когда основано на предшествующей обязанности; право без обязанности превращается в насилие или злоупластие [2, с. 114–115]. Эта формула принципиальна для всей системы «Русской Правды». Она означает, что свобода личности не мыслится как самодостаточная автономия. Она оправдана постольку, поскольку включена в нравственный, природный и гражданский порядок обязанностей.

Главная цель государственного устройства у Пестеля — «возможное благоденствие всех и каждого» [2, с. 115–116]. В современном языке это можно назвать социально-утилитарной концепцией прав: права нужны не только для защиты индивида от власти, но и для построения правильного общественного порядка. Поэтому Пестель легче, чем Муравьев, допускает сильное государственное вмешательство, если оно объявляется необходимым для общего блага. Здесь заключена внутренняя амбивалентность «Русской Правды»: она освобождает от старых форм несвободы, но создает риск новой рационально организованной несвободы.

Важнейшим правовым достижением проекта Пестеля является радикальная антисословная установка. Сословия должны быть уничтожены, все население должно образовать единый народ, а прежние сословные различия — лишиться юридического значения [16]. В отличие от Муравьева, Пестель жестче критикует сам принцип привилегии. Дворянские преимущества он рассматривает как выгоды, не основанные на обязанности и потому не являющиеся правами [2, с. 152]. Это одна из наиболее сильных юридических идей проекта: равенство перед законом невозможно без демонстрации привилегии как псевдоправа [15].

Пестельская модель равенства шире сословного вопроса. Она предполагает единообразие законов на всем пространстве государства, приписку граждан к волостям, унификацию управления, уничтожение особых статусов и создание общего гражданского состояния [2, с. 136–137, 180–181; 16]. В отличие от федеративного плюрализма Муравьева, Пестель стремится к правовому единству через унитаризм. Для него равенство означает не только одинаковое достоинство лиц, но и одинаковую включенность всех в единый государственный порядок.

Система прав в «Русской Правде» строится через разграничение политических, гражданских и личных прав. Политические права определяют отношения народа с правительством и участие в политической жизни; гражданские — отношения

граждан между собой, семейный и имущественный порядок; личные — свободу существования и действия человека вне непосредственных отношений с государством или другими гражданами [16]. Такая классификация чрезвычайно важна: она показывает, что Пестель пытался создать не лозунговую, а юридически структурированную систему правового статуса. К числу личных свобод Пестель относит свободу личности, вероисповедания, книгопечатания и иные сферы индивидуального существования [16]. Вместе с тем эти свободы не отрываются от нравственных и государственных пределов. Например, свобода учения, проповеди и занятий ограничивается запретом того, что противно «чистой нравственности», причем сам Пестель признает опасность превращения такого запрета в «злоупластие» и требует осторожных правил, чтобы гражданская свобода не была стеснена [2, с. 180–181]. Это редкий для своего времени пример осознания проблемы злоупотребления ограничительными основаниями [20].

Свобода вероисповедания у Пестеля также имеет двойственный характер. В проекте говорится о сохранении свободы веры для различных групп, если особенности конфессий не входят в противоречие с христианским законом [16]. Такая формула значительно шире конфессионального принуждения старого порядка, но не равна современному принципу светской нейтральности. Религиозная свобода здесь признается в рамках морально-христианской модели государства и потому зависит от оценки допустимости конкретных практик.

Наиболее противоречивым является национально-гражданский блок «Русской Правды». Пестель предполагает создание единой русской народности, в которую должны слиться все этнические общности, населявшие империю; названия племен и народов должны утратить юридическое значение, а все граждане — стать русскими [16]. С формально-правовой точки зрения это должно было обеспечить равенство и единый закон. С точки зрения современной теории прав человека такая модель выглядит ассимиляционной и потенциально репрессивной: равенство достигается не через признание многообразия, а через растворение различий в единой государственно-национальной форме.

Особенно показателен подход Пестеля к кавказским народам и еврейскому вопросу. В проекте допускались меры переселения, разделения групп, принудительной интеграции либо даже внешнего переселения евреев при определенных условиях [16]. Эти положения резко контрастируют с декларациями равенства и свободы. Они демонстрируют, что пестелевская универсальность ограничена интересами государственного строительства, как их понимал автор проекта. Там, где национальная или религиозная общность казалась препятствием для единого политического тела, свобода уступала место государственно-ра-

циональной унификации.

Аграрный проект Пестеля имеет ярко выраженное социально-правовое содержание. Земля должна была разделяться на общественную и частную; общественная земля предназначалась для обеспечения каждого гражданина возможностью существования, предотвращения крайней бедности и зависимости от «аристократии богатств» [2, с. 152; 16]. Здесь Пестель выходит за пределы классического либерального понимания прав: для него личная свобода невозможна без материальной основы. В этом смысле «Русская Правда» содержит ранний вариант социальной гарантии свободы.

Сопоставление с Муравьевым особенно важно. Муравьев защищает собственность как предел власти и сохраняет помещичьи земли; Пестель пытается социально перераспределить земельную основу свободы, хотя допускает поэтапность и компромиссы [1, с. 256; 2, с. 171–174]. Поэтому Пестель радикальнее в социальном смысле, но менее либерален в институциональном. Муравьев сильнее защищает свободу через суд и представительство; Пестель сильнее связывает свободу с равенством и материальной независимостью.

Политические права в «Русской Правде» связаны с республиканской моделью. Верховная законодательная власть должна была принадлежать Народному вечу; исполнительная - Государственной думе; бюстительная - Верховному собору [16]. Пестель стремится избежать концентрации власти в одном органе, но его «бюстительная» конструкция и переходное Временное верховное правление показывают недоверие к немедленной демократической самоорганизации общества. Народ признается источником будущего порядка, но переход к нему должен осуществляться через сильную революционную власть.

Именно здесь находится главный правовой риск проекта Пестеля. Временное верховное правление должно было провести преобразования, уничтожить старые институты и подготовить новое законодательство [2, с. 118; 16]. Но если права зависят от успешности преобразующей диктатуры, то они могут быть отложены во имя будущего благоденствия. Эта логика будет многократно воспроизводиться в последующей истории: свобода обещается как результат сильной власти, но сама сильная власть становится угрозой для свободы [19]. Вместе с тем, несправедливо сводить «Русскую Правду» к авторитарному проекту. В ней содержатся мощные правовые идеи: уничтожение крепостничества, равенство перед законом, ликвидация сословных преимуществ, классификация прав, публичная цель правительства, обязанность власти действовать для блага народа, социальная функция земли, критика богатства как источника зависимости [2; 16]. Пестель мыслит право не как частную привилегию, а как элемент общего устройства, в котором человек должен быть освобожден от феодальной зависимости и включен в

единое гражданское состояние.

Следовательно, «Русская Правда» представляет собой не либеральную декларацию прав, а проект государственно организованной свободы. Его историческая значимость состоит в соединении правового равенства и социального вопроса; его историческая опасность - в подчинении индивидуальной свободы рационально сконструированному общему благу и национально-государственной унификации. Именно эта двойственность делает проект Пестеля особенно важным для современной юридической оценки.

Сравнение «Конституции» Муравьева и «Русской Правды» Пестеля позволяет выделить несколько принципиальных линий расхождения. Первая линия - источник и назначение прав. У Муравьева права выступают пределом власти и элементом конституционного статуса гражданина. У Пестеля права выводятся из обязанностей, общего блага и цели правильного государственного устройства. Поэтому Муравьев ближе к либеральной модели негативной свободы, а Пестель - к республиканско-социальной модели свободы как участия в общем порядке [22].

Вторая линия - соотношение личности и государства. Муравьев стремится распределить власть между центром, территориями, представительными органами и судами; Пестель стремится собрать власть в едином государственном механизме, способном преодолеть разнородность империи. Отсюда различие гарантий. У Муравьева права защищаются институциональным разделением власти; у Пестеля - правильной организацией государства и надзором за законностью. В первом случае свобода обеспечивается недоверием к власти; во втором - надеждой на рациональную власть.

Третья линия - равенство. Оба проекта отвергают крепостничество и сословные различия, но делают это по-разному. Муравьев провозглашает равенство перед законом и отмену крепостного состояния, сохраняя значительные имущественные основания социальной структуры. Пестель атакует сословность глубже, противопоставляя право и преимущество, предлагая единую гражданскую массу и социально-земельные гарантии [1, с. 255–257; 2, с. 152; 16]. Поэтому в сфере формального социального равенства Пестель радикальнее.

Четвертая линия - собственность. У Муравьева собственность прежде всего защищает индивидуальную независимость и правовую устойчивость; у Пестеля собственность должна быть перестроена так, чтобы не допустить зависимости большинства от богатого меньшинства. В современной терминологии можно сказать, что Муравьев мыслит собственность как классическое гражданское право, а Пестель - как институт социальной организации свободы. Обе позиции имеют сильные и слабые стороны: первая лучше защищает от государственного произвола, вторая лучше видит

материальные предпосылки равенства.

Пятая линия - политическое участие. Муравьев допускает конституционную монархию, но создает развитую систему представительства и местного участия; Пестель ориентируется на республиканскую форму, однако вводит сильный переходный режим. Это парадоксально: монархический проект Муравьева в ряде гарантий оказывается более правовым и процедурным, чем республиканский проект Пестеля. Данная особенность подтверждает, что форма правления сама по себе не исчерпывает вопрос о свободе. Для прав человека важны не только названия институтов, но и способы ограничения власти.

Шестая линия - отношение к многообразию. Муравьев через федеративную модель допускает территориальную сложность и определенную множественность правовых порядков. Пестель стремится к единству закона, управления и народности. С точки зрения равного гражданства пестелевская модель обладает привлекательностью: единый закон разрушает локальные и сословные исключения. Но с точки зрения культурных и национальных прав она несет значительные риски, поскольку многообразие рассматривается как препятствие государственному единству [21].

Седьмая линия - юридические гарантии личной свободы. Муравьев более отчетливо формулирует процессуальные гарантии: запрет произвольного ареста, необходимость закона, суд присяжных, гласность и судебная защита [15]. Пестель говорит о личных правах и свободе личности, но его основной акцент лежит на организационно-политическом переустройстве и общих принципах. Поэтому в узком смысле правовой техники защиты личности проект Муравьева представляется более современным [19].

Наконец, восьмая линия - пределы универсализма. Оба проекта не достигают современного стандарта прав человека. Женщины не рассматриваются как полноправные участники политического процесса; имущественные и образовательные цензы ограничивают политическое гражданство; национальные и религиозные группы получают статус через призму интересов государства; свобода слова и вероисповедания имеет моральные и публично-порядковые пределы. Поэтому декабристские проекты являются не декларациями универсальных прав в современном смысле, а переходными моделями от сословно-подданнического строя к гражданско-конституционному.

При этом было бы ошибкой оценивать их только по несоответствию современным критериям. Историко-правовой смысл этих документов состоит в том, что они впервые системно поставили вопрос: может ли российское государство существовать не как власть над подданными, а как правовой порядок граждан? Ответ Муравьева: да, если власть ограничена конституцией, судом, представительством и федеративным устрой-

ством. Ответ Пестеля: да, если уничтожены сословия, создано равное гражданское состояние и государство организовано для общего блага [20].

Для современной науки конституционного права эти проекты важны еще и потому, что они демонстрируют две устойчивые российские дилеммы. Первая - дилемма свободы и социальной справедливости: достаточно ли провозгласить личную свободу без материальной основы или необходимо соединять ее с социальными гарантиями? Вторая - дилемма прав и сильного государства: может ли сильная преобразующая власть быть инструментом освобождения, не становясь угрозой для личности? Муравьев и Пестель дали разные ответы, но оба ответа продолжают иметь значение для правовой мысли.

Декабристские проекты также позволяют уточнить понятие «протоконституционного акта». Они не были законами, не вступили в силу и не породили юридических последствий непосредственно. Однако они обладали нормативной направленностью, системностью, проектной юридической техникой и претензией на учреждение нового правового порядка. Поэтому их можно рассматривать как протоконституционные источники не в формально-догматическом, а в историко-правовом смысле: они формировали язык, через который позже стали обсуждаться права, свободы, гражданство и пределы власти.

В этом отношении «Конституция» Муравьева и «Русская Правда» Пестеля стоят у истоков отечественной дискуссии о правах человека и гражданина. Они еще не знают современной терминологии достоинства личности, конституционной жалобы, международных стандартов и недискриминации. Но они уже знают проблему произвольной власти, личной несвободы, сословной привилегии, отсутствия суда, бесправия крестьянина, неучастия общества в управлении и неравенства перед законом. Именно эти проблемы делают их правовыми текстами, а не только политическими манифестами.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, «Конституция» Н. М. Муравьева и «Русская Правда» П. И. Пестеля являются ключевыми памятниками раннего российского конституционализма, поскольку в них впервые последовательно поставлен вопрос о правовом статусе личности в будущем российском государстве. Они переводят человека из положения объекта самодержавно-сословного управления в положение участника публичного правового порядка, хотя и с существенными историческими ограничениями.

Во-вторых, проект Муравьева представляет либерально-конституционную модель прав и свобод. Его сильная сторона — связь прав с юридическими гарантиями: законом, судом, представительством, запретом произвольного ареста, свободой слова, совести, печати, занятий и передвижения. Его слабая сторона — имуществен-

но-цензовый характер политического гражданства и неполное решение аграрного вопроса. Формально-правовая свобода в этом проекте опережает социально-экономическую основу свободы.

В-третьих, проект Пестеля представляет республиканско-этикетскую и социально ориентированную модель прав. Его сильная сторона — последовательная критика сословных преимуществ, идея равенства перед законом, социальное понимание земельного вопроса, классификация политических, гражданских и личных прав, признание обязанности власти действовать во имя блага народа. Его слабая сторона — подчинение свободы общему благу, переходной диктатуре, унитарной унификации и жестким национально-государственным решениям.

В-четвертых, оба проекта показывают, что права человека в российской правовой мысли возникали не как готовая универсальная доктрина, а как сложный синтез естественно-правовых идей, европейского конституционализма, антисословной критики, аграрного вопроса и поиска новой модели государства. Поэтому историческая оценка декабристских проектов должна быть двойственной: они были прорывом по отношению к крепостническому самодержавию, но не достигали современных стандартов универсальности, равенства и

недискриминации.

В-пятых, значение декабристских проектов для современного конституционного правоупотребления состоит не только в их исторической «первизне». Они позволяют увидеть устойчивую проблему российского права: свобода личности нуждается одновременно в институциональных гарантиях против произвола и в социальной основе, делающей эту свободу реальной. Муравьев убедительно показывает необходимость ограниченной власти и суда; Пестель — необходимость равенства и материальных предпосылок гражданской независимости. В этом их взаимное напряжение остается продуктивным для современной правовой науки.

Таким образом, «Конституция» Н. М. Муравьева и «Русская Правда» П. И. Пестеля должны рассматриваться как два разных, но взаимодополняющих источника отечественной идеи прав и свобод человека и гражданина. Первый проект сильнее в правовых гарантиях свободы, второй — в социальной и антипривилегированной логике равенства. Вместе они образуют ранний конституционный горизонт российской правовой мысли, в котором впервые была поставлена задача преобразовать империю подданных в государство граждан.

Таблица 1. Сравнительная характеристика подходов к правам и свободам

Критерий	Н. М. Муравьев	П. И. Пестель
Методологическая основа	Ограничение власти, конституционная монархия, федерализм, суд	Общее благо, республика, унитаризм, преобразующая власть
Понимание гражданина	Участник управления при соблюдении цензов и условий гражданства	Член единого народа и единого гражданского состояния
Ключевая свобода	Личная безопасность, свобода слова, совести, печати, передвижения	Равенство, уничтожение сословий, свобода личности и социальная основа независимости
Основной риск	Цензовость и неполная социально-экономическая свобода крестьян	Подчинение свободы общему благу и переходной диктатуре

Список литературы:

- [1] Восстание декабристов: документы. Т. VII. П. И. Пестель. «Русская Правда»; подготовительные материалы. М.: Госполитиздат, 1958. 691 с.
- [2] Восстание декабристов: документы. Т. X. Материалы следствия. М.: Госполитиздат, 1953. 333 с.
- [3] Пестель П. И. Русская правда: наказ Временному Верховному правлению / предисл. П. Е. Щеголева. СПб.: Культура, 1906. XIV, [2], 245 с.
- [4] Муравьев Н. М. Конституция // Восстание декабристов: материалы. Т. I. М.; Л.: Госиздат, 1925.

- [5] Нечкина М. В. Движение декабристов: в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 484 с.
- [6] Нечкина М. В. Движение декабристов: в 2 т. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 506 с.
- [7] Федоров В. А. Декабристы и их время. М.: Изд-во МГУ, 1992. 269, [2] с.
- [8] Киянская О. И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М.: Параллели, 2002. 512 с.
- [9] Парсамов В. С. Декабристы и русское общество 1814–1825 гг. М.: Алгоритм, 2016. 550 с.
- [10] Мироненко С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М.: Наука, 1989. 258 с.
- [11] Дружинин Н. М. Декабрист Никита Му-

равьев. М.: Изд-во АН СССР, 1933. 402 с.

[12] Сыроечковский Б. Е. К вопросу о редакциях «Русской Правды» П. И. Пестеля // Исторические записки. 1954. Т. 47.

[13] Декабристы: избранные социально-политические и философские произведения: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1951. 732 с.

[14] Декабристы и их время: сборник трудов Государственного исторического музея / сост. В. М. Бокова. М., 1995. 283 с.

[15] «Конституция» Н. М. Муравьева // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/konstitutsiia-n-m-murav-iova-b60975> (дата обращения: 07.06.2026).

[16] «Русская Правда» (проект П. И. Пестеля) // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. URL: <https://bigenc.ru/c/russkaia-pravda-proekt-p-i-pestelia-cbf0bc> (дата обращения: 07.06.2026).

[17] Конституция Н. М. Муравьева // Конституция России: электронная библиотека. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/> (дата обращения: 07.06.2026).

[18] Русская Правда, или Заповедная Государственная Грамота Великого Народа Российского // Конституция России: электронная библиотека. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/32000/> (дата обращения: 07.06.2026).

[19] Грудцына Л. Ю. Конституционные основы взаимодействия государства, институтов гражданского общества и среднего класса // Конституционное право. 2025. № 4. С. 14-17.

[20] Грудцына Л. Ю. Конституционные основы судебного права как комплексной отрасли публичного права // Конституционное право. 2025. № 4. С. 30-38.

[21] Каллагов Т. Э. Конституционно-правовая природа статуса президента Российской Федерации // Конституционное право. 2025. № 4. С. 18-23.

[22] Сангаджиев Б. В. Конституционные основы защитительной речи адвоката в суде: вопросы и проблемы судопроизводства // Конституционное право. 2025. № 4. С. 24-29.

References:

[1] The Decembrist Uprising: Documents. Vol. VII. P. I. Pestel. «Russian Truth»; Preparatory Materials. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 691 p.

[2] The Decembrist Uprising: Documents. Vol. X. Investigative Materials. Moscow: Gospolitizdat, 1953. 333 p.

[3] Pestel P. I. Russian Truth: Instruction to the Provisional Supreme Government / Preface by P. E. Shchegolev. St. Petersburg: Kultura, 1906. XIV, [2], 245 p.

[4] Muravyov N. M. Constitution // The Decembrist Uprising: Materials. Vol. I. Moscow; L.: Gosizdat, 1925.

[5] Nechkina M. V. The Decembrist Movement: in

2 volumes. Vol. 1. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 484 p.

[6] Nechkina M. V. The Decembrist Movement: in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 506 p.

[7] Fedorov V. A. The Decembrists and Their Time. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1992. 269, [2] p.

[8] Kiyanskaya O. I. Pavel Pestel: Officer, Intelligence Officer, Conspirator. Moscow: Paralleli, 2002. 512 p.

[9] Parsamov V. S. The Decembrists and Russian Society 1814–1825. Moscow: Algorithm, 2016. 550 p.

[10] Mironenko S. V. Autocracy and Reforms: Political Struggle in Russia at the Beginning of the 19th Century. Moscow: Nauka, 1989. 258 p.

[11] Druzhinin N. M. The Decembrist Nikita Muravyov. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1933. 402 p.

[12] Syroechkovsky B. E. On the Issue of the Editorial Boards of P. I. Pestel's «Russkaya Pravda» // Istoricheskie zapiski. 1954. Vol. 47.

[13] The Decembrists: Selected Socio-Political and Philosophical Works: in 3 volumes. Moscow: Gospolitizdat, 1951. 732 p.

[14] The Decembrists and Their Time: Collection of Works of the State Historical Museum / compiled by V. M. Bokova. Moscow, 1995. 283 p.

[15] «Constitution» by N. M. Muravyov // The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal. URL: <https://bigenc.ru/c/konstitutsiia-n-m-murav-iova-b60975> (date of access: 07.06.2026).

[16] «Russian Truth» (project by P. I. Pestel) // The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal. URL: <https://bigenc.ru/c/russkaia-pravda-proekt-p-i-pestelia-cbf0bc> (date of access: 07.06.2026).

[17] Constitution by N. M. Muravyov // Constitution of Russia: Electronic Library. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5400/> (date accessed: 07.06.2026).

[18] Russian Truth, or the Reserved State Charter of the Great Russian People // Constitution of Russia: Electronic Library. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/32000/> (date accessed: 07.06.2026).

[19] Grudtsyna L. Yu. Constitutional Foundations of Interaction between the State, Civil Society Institutions and the Middle Class // Constitutional Law. 2025. No. 4. pp. 14-17.

[20] Grudtsyna L. Yu. Constitutional Foundations of Judicial Law as a Complex Branch of Public Law // Constitutional Law. 2025. No. 4. Pp. 30-38.

[21] Kallagov T. E. Constitutional and legal nature of the status of the President of the Russian Federation // Constitutional Law. 2025. No. 4. Pp. 18-23.

[22] Sangadzhiev B. V. Constitutional foundations of a lawyer's defense speech in court: issues and problems of legal proceedings // Constitutional Law. 2025. No. 4. Pp. 24-29.